

— Да, каждый день в страхе.

Не правда ли? Где же произошла ошибка?

С этого дня среди жителей Шанцзина начала распространяться молва — что императорская семья Вэй совершила нечто ужасное, и Небеса наказывают их.

Неважно, удастся ли подавить эти слухи, но на время это вызвало всеобщую панику.

Как говорится: «Поднявшись на высокую башню, видишь печаль на тысячи ли, камыши и ивы напоминают берег. Облака над рекой поднимаются, солнце садится за павильон, горный дождь приближается, ветер наполняет башню».

*

Майская погода ещё была прохладной, деревья вдоль дорог иногда сбрасывали листья, но это не создавало мрачной атмосферы.

Ведь это был конец весны и начало лета, не сравнить с осенью, приближающейся к зиме.

Но какая разница?

Новая волна чисток началась.

Толчком стала смерть Вэй Цзинсина. По указанию дворца, суд быстро сфабриковал обвинения, доказывающие, что некоторые министры сговорились с внешними силами, чтобы убить князя и устроить мятеж. Среди них был Мэн Лян, честный и неподкупный министр, которого ценила императрица.

С древних времён клевета на верных слуг сводилась к трём словам: «возможно, есть».

Люди говорили, что история полугодовой давности повторилась.

— Грех. — говорили пожилые люди.

Единственной семьёй, которая не только пережила эту чистку, но и укрепила свои позиции, была семья Чжао. Потеряв племянника, канцлер Чжао Юн не только не поднял шум, но и вёл себя очень скромно. В конце концов, императорская награда действительно пришла, под предлогом того, что Цзинь Муян погиб, пытаясь спасти других во время пожара, и отдал жизнь за господина.

Как такой жестокий император, как Сюаньхуа, мог терпеть рядом с собой такого тигра, как семья Чжао? Говорили, что это связано с умершей много лет назад наложницей И.

Кто такая наложница И? Она была младшей сестрой Чжао Юна. Говорили, что она была первой красавицей столицы. Говорили, что у неё был роман с императором Сюаньхуа. Говорили, что она умерла от кровотечения при родах. Слухи, слухи, одни слухи. А как было на самом деле? Никто не знает. Известно лишь, что недавно в нашем государстве появился принц, якобы сын наложницы И.

Сопоставив это с предыдущими слухами о «любви», люди всё поняли.

Этого принца звали Вэй Цзинъянь. «Янь» означает «талантливый человек». Видно, что к его имени подошли с умом. И где же сейчас этот принц, на которого император возлагал большие

надежды?

— Дорогой, ты прекрасен. — За тяжёлыми занавесками можно было разглядеть два обнажённых тела, переплетённых друг с другом. Одно было крупным и пропорциональным, другое — более миниатюрным и худощавым, но явно оба были мужчинами.

Они двигались в унисон несколько раз, затем замерли, и один из них издал удовлетворённый вздох, полностью расслабившись в объятиях другого.

— Ваше Высочество... вы так сильны...

— А как по сравнению с моим двоюродным братом?

— Он... конечно, не может сравниться с Вами. — Человек в объятиях поднял голову, и это был Му Хэан!

Другой же был тем самым принцем, о котором сейчас все говорили, — Вэй Цзинъянь. Он не был похож на Вэй Цзинсина с его женственной красотой, напротив, у него были густые брови и большие глаза, что придавало ему мужественности. Такая внешность должна была казаться добродушной, но его улыбка придавала ему некую зловещность. Сейчас он был полностью обнажён, демонстрируя мускулистое тело, а Му Хэан рядом с ним выглядел как маленькая женщина.

Видимо, все эти годы, кроме того, что он не мог появляться на людях, император Сюаньхуа не обделял его ни в чём.

По крайней мере, Вэй Цзинсин был болезненным, а этот принц выглядел совершенно здоровым. Конечно, отчасти это было благодаря тому, что Вэй Цзинсин принимал на себя удары судьбы более десяти лет.

Му Хэан провёл рукой по его груди, во взгляде смешались восхищение и отвращение.

Он вздохнул.

— Поздравляю Ваше Высочество, скоро вы получите царство Чу.

— Да, тогда, может, ты поедешь со мной, посмотришь мир, а?

— Ваше Высочество, я... я могу?

— Конечно можешь! Ты мой главный помощник. Если бы не ты, отец, возможно, прятал бы меня всю жизнь. — Вэй Цзинъянь коснулся носа Му Хэана.

— Служить Вашему Высочеству — счастье для меня.

— Ты так мил, как Чжао Фу мог отдать тебя мне?

При этих словах Му Хэан незаметно сжал кулаки, в глазах вспыхнула ненависть, но она мгновенно исчезла.

Он снова улыбнулся, но улыбка была вымученной, и с грустью сказал:

— Неужели Ваше Высочество тоже презирает меня?

Вэй Цзинъянь обожал таких нежных и покорных, он сразу же растаял и стал утешать его. Он не видел, что лицо, прижатое к его груди, было холодным, а глаза смотрели с ненавистью.

.....

В отличие от этой жаркой сцены, дворец Цифэн был холодным и пустынным.

Императрица, одетая в белое шёлковое платье, с простой причёской, несмотря на тщательный макияж, выглядела бледной и измученной. За несколько дней она словно постарела на десять лет.

Сейчас она стояла на коленях в зале, а наверху сидел император Сюаньхуа.

— Императрица, я даю тебе ещё один шанс, где печать князя Чу?

— Ваше Величество не нашёл её в северном дворце? Может, она сгорела? Хорошо, пусть она останется с Синем, как память.

— Ты сошла с ума! Что за чушь?! В ту ночь печать исчезла вместе с этой служанкой Утун. Императрица, кроме тебя, я не знаю, где её искать.

— Ваше Величество, вы смешны. Разве императорский город не неприступен, даже птица не может залететь. Даже если человек умер, зачем передавать печать мне, какую пользу это принесёт?

— Именно это я и не могу понять.

— ...

— Императрица, может, Вэй Цзинсин не умер?

Императрица сохраняла спокойствие, лишь руки, сложенные на животе, сжимали платок.

— Умер он или нет, Ваше Величество сам убедился. Он ушёл, позвольте ему покоиться с миром. В конце концов, Синь — ваш сын.

— Не напоминай, императрица.

— ...

— Императрица, веди себя прилично, если я узнаю, что ты ещё что-то затеваешь, ты знаешь, что я могу.

Императрица выпрямилась, и только когда император скрылся за ширмой, она расслабилась и упала на пол.

— Ваше Величество! — старая служанка бросилась к ней, подняла императрицу. — Ваше Величество, что нам делать? Ваше Величество!

— Пусть всё идёт своим чередом. Надеюсь, всё будет хорошо.

— Ваше Величество! Ваше Величество, беда! Император, уходя, оставил приказ, чтобы генерал повёл восемьсот солдат на уничтожение Братства Шато!

Восемьсот! Это смертный приговор! Все знают, что Братство Шато — не просто банда, а целая гора, целое поселение с более чем пятьюдесятью тысячами человек.

Восемьсот против пятидесяти тысяч, Ваше Величество, как же вы жестоки! Вы отправляете на смерть моего единственного брата, с которым у меня ещё остались хорошие отношения!

Ты действительно не ценишь наши супружеские узы?

Пусть будет так.

Императрица подползла к столу, достала ножницы и срезала свои длинные волосы.

— Ваше Величество!!!

Вэй Яньцзюнь, сегодня наши супружеские узы прерваны.

— Ваше Величество, императрица срезала волосы и добровольно отправилась во дворец Ваньфан.

— Хм, императрица действительно решительна. — Император Сюаньхуа усмехнулся, затем злорадно улыбнулся. — Пусть так, если она так любит молиться, пусть останется во дворце Чаншэн с наложницей Жоу.

— Слушаю.

— Вернись.

— Ваше Величество, что ещё прикажете?

— Пусть Чжан Жун возьмёт несколько человек и тщательно обыщет дворец Цифэн, все подозрительные вещи принесите мне.

.....

— Господин, что именно искать?

Старый евнух ничего не сказал, лишь задумчиво посмотрел на юг и ушёл, размахивая своим опахалом.

Что же это было?

Чжан Жун действовал быстро, уже через полдня собрал все подозрительные предметы и представил их императору. Среди них были письма императрицы к родным, вырезанные ею узоры, даже детские игрушки и одежда.

— Что за чепуха?! — Император в ярости швырнул на пол погремушку.